

The background of the cover is white, decorated with several thick, curved yellow brushstrokes that sweep across the top and bottom of the page, framing the central text.

О Т О Т Ц А

К С Ы Н У

Как передать ребенку
христианские ценности

Ф Р А Н К О Н Е М Б Р И Н И

Франко Нембрини

**От отца к сыну. Как передать
ребенку христианские ценности**

«Никея»

2019

УДК 242
ББК 74.9

Нембрини Ф.

От отца к сыну. Как передать ребенку христианские ценности /
Ф. Нембрини — «Никея», 2019

ISBN 978-5-907202-34-4

Книга Франко Нембрини, педагога, отца четырех сыновей, станет вдохновляющим примером, твердым ориентиром и поддержкой для современных верующих родителей, которым приходится растить детей, несмотря на то, что традиция православного воспитания в России была утрачена. Он делится своим отцовским, сыновним и педагогическим опытом, чтобы помочь нам собрать силы и стать достойными христианскими наставниками нашим детям. «В детстве я смотрел на отца и говорил себе: „Вот каким я хочу быть, когда вырасту... Хочу, как он, обладать вещами, зная, Кому они принадлежат на самом деле“. Мой отец – человек, который смотрел на что-то более великое, чем он сам, знал, что такое добро и зло, истина и ложь, и без лишних слов призывал нас последовать его примеру. Он был живым свидетельством о познанной Истине».

УДК 242
ББК 74.9

ISBN 978-5-907202-34-4

© Нембрини Ф., 2019
© Никея, 2019

Содержание

Сократ из Бергамо	6
Успешный отец? Это мужчина, который нашел в себе этот дар	9
Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Франко Нембрини
От отца к сыну. Как передать
ребенку христианские ценности

© ООО ТД «Никея», 2019

© ТОВ «ДАНТЕЦЕНТР», 2019

Сократ из Бергамо

Архимандрит Савва (Мажуко)

С творчеством Франко Нембрини меня познакомил мой друг Миша Фадеев. Он так рассказывал об этом загадочном итальянце, что мой читательский скепсис дрогнул и я обещал познакомиться с небольшой книжечкой «От отца к сыну». Дело в том, что я не выношу книг по педагогике. Это травма, которая осталась еще с университетских времен. Педагогическое чтение оставило после себя не только стойкое неприятие подобной литературы, но и недоумение: если воспитание это одно из увлекательнейших приключений, почему книги по воспитанию так убийственно скучны?

С подобными чувствами я принялся уныло листать книгу Нембрини и тут же натолкнулся на совершенно «пиратские» фразы: «Я не боюсь шлепнуть, если нужно». Согласитесь, звучит обнадеживающе!

А это зацепило еще сильнее: «Пока дети не забивают друг друга насмерть, я бы не волновался». Это что? Так разговаривают суровые итальянские учителя? Надо проверить! И я приступил к чтению, надеясь осилить эту небольшую книжечку за вечер. Но читал я ее гораздо дольше, потому что «От отца к сыну» – одна из книг, которую можно смело разобрать на цитаты, так что ничего лишнего не останется. И каждая фраза требует времени, требует раздумий, потому что это не речь кабинетного ученого, а слова, подкрепленные опытом очень мудрого и очень честного человека. Это именно *Слова* – не статьи, не трактаты, а тексты выступлений Нембрини в разные годы его наставнического служения.

Франко Нембрини – наш современник. Он родился в 1955 году в Бергамо в бедной многодетной семье. В 16 лет он вынужден был оставить школу и пойти на завод, чтобы помочь больным родителям. Однако ему удалось поступить в университет Милана, из которого он вышел с двумя дипломами: учителя-словесника и богослова, и первые свои уроки он провел именно как теолог – первый преподаватель теологии без священного сана в истории диоцеза Бергамо.

Столкнувшись с пороками системы образования, Нембрини с друзьями в 1983 году основал частную общеобразовательную школу «*La Traccia*», директором которой он был на протяжении многих лет. Мировую известность он получил как популяризатор творчества Данте. Чтобы понять, насколько гениален Нембрини как педагог, достаточно оценить тот факт, что этот простой итальянский учитель так смог заразить любовью к средневековому автору своих учеников и слушателей, что появилось общество Данте, а дети добровольно учат наизусть целые страницы из «Божественной комедии» и охотно декламируют отрывки в дни памяти поэта.

В 2011 году Франко Нембрини опубликовал свою первую книгу «От отца к сыну». С этого же года он начал издавать свои знаменитые комментарии к «Божественной комедии», которые доступны теперь и на русском языке.

Когда слышишь такие «интеллигентные» слова – «Данте», «поэзия», «Италия», – поневоле представляешь себе утонченного аристократа, подавляющего своей эрудицией и воспитанием. Но вы открываете «От отца к сыну» и видите простого человека, настолько простого и настоящего, что можете почти услышать его запах, когда он рассказывает, как любит анчоусы, как их правильно готовить, как он с трудом просыпается по утрам и приходит в себя только после четырех, как в детстве его пленил аромат горячего шоколада. Это живой человек! И вместе с тем воистину мудрый! Мудрый в том исконном значении этого слова, которое подразумевает, когда говорят о мудрости Сократа.

Для Сократа философия была неотделима от педагогики. Сократ не писал книг, он не отдавался теории, он был весь целиком и полностью *здесь* – в этом месте, с этими конкретными

людьми, с их проблемами. Он не делился мудростью, он учил своих собеседников обнаруживать ее самим, потому что все на самом деле очень просто. Нембрини, подобно Сократу, весь *здесь*, он из плоти и крови, и это так важно для человека, задача которого – научить принимать жизнь и себя живого, научить дружбе и любви, побороть страх перед реальностью, отказаться от иллюзий, потому что то, что *есть*, гораздо интереснее и увлекательнее любых выдуманных миров.

- Почему современные дети и даже взрослые не хотят взрослеть?
- Откуда у детей страх и паника перед реальностью?
- Почему наши дети такие «старые» и уставшие?
- Почему школа и учителя вызывают ненависть у детей?
- Откуда в детях столько отчаяния?
- Отчего современные дети ничего не доводят до конца?
- Откуда в них ледяной душ и скепсис и безграничный страх перед жизнью?

Это тот небольшой перечень вопросов, ответы на которые дает Нембрини, и его ответы потрясают своей простотой и эффективностью, потому что все, что говорит этот итальянский учитель, пережито на личном опыте.

С первых страниц книги вы понимаете, что это писал мужчина и для мужчин, точнее, отец для отцов, и это придает книге невероятную ценность, потому что дело воспитания у нас передано в женские руки и давно перестало быть мужской профессией. Мамы, бабушки и конечно же измотанные и мудрые учительницы – вот оплот педагогики, которая истосковалась по мужскому участию и твердой руке. Только Франко Нембрини говорит не о крепкой руке с ремнем, а о той первозданной и естественной основе воспитания, которую я бы назвал педагогией счастья.

Франко уверен, что воспитывать могут лишь счастливые люди. Если вы несчастны, вам не стоит ввязываться. Он уверен, что дело вовсе не в правильных словах, не в продуманных стратегиях, которые будто расставляют ловушки и капканы для детей, а в том свидетельстве, которое должен нести *каждый* взрослый человек. На самом деле детям нужны не правильные слова и схемы, они ждут от нас ответа на вопрос: «Стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой?»

Дети совсем недавно в этом мире, и им нужно твердое свидетельство, что они попали в правильное место, что жить стоит. И если они не видят рядом с собой взрослых, которым нравится жить, которые рады жить, любые самые продуманные педагогические эксперименты обернутся прахом. Воспитывать может только счастливый человек, человек, каждый жест, каждый взгляд которого кричит: «Жить стоит! жить хорошо! жить – это здорово! мне очень нравится жить!» Педагогика Нембрини – это педагогика счастья и любви!

Однако подобные ответы мы найдем не только у Нембрини, собственно, сегодня каждый психолог и педагог проповедует позитивное мышление. В чем уникальность Нембрини? В том, что он находит основание этой радости и любви не в словах и самогипнозе, а в своем христианском опыте. «Ты не можешь быть ничьим отцом, – говорит Нембрини, – если прежде не являешься братом, если не предстоишь перед Живым Отцом, который воспитывает тебя» (с. 68).

Франко Нембрини – Сократ, но Сократ христианский. Его опыт глубоко укоренен в опыте Церкви. Он вырос в религиозной семье, но в подростковом возрасте потерял веру. Вернуться в Церковь ему помогла встреча с отцом Луиджи Джуссани, общение с которым потрясло молодого человека. В лице падре Джуссани он увидел свидетеля живого Христа, *человека, который живет в присутствии Бога*.

Допускаю, что некоторых православных читателей может смутить католичество Нембрини: он часто поминает Папу, энциклики, приводит изречения святых Западной Церкви. Не смущайтесь, друзья мои! Франко Нембрини вовсе не ватиканский шпион и не церковный чиновник. Это простой итальянский педагог, в проблемах которого мы увидим столько нам, обычным людям, понятного и близкого. Он просто делится своим бесценным опытом, а если

вас смущает слово «католический», я напомним вам, что оно греческого происхождения, а сам Франко Нембрини понимает католичество как открытость миру, и вы найдете в этой книге нужную цитату.

А упорным скептикам я предложу смотреть на католика Нембрини как на юродивого, лишь бы его слова принесли вам пользу, ведь и сам Франко не претендует на роль мудреца. «Не факт, что с возрастом приходит мудрость, – говорит он своим коллегам, – может произойти наоборот, более того, Бог очень часто веселится, делая все наоборот: выбирает последнего и ставит его в пример мудрецам и старейшинам» (с. 123).

Как христианин Нембрини понимает всю трагичность нашего мира, и каждый из нас помнит, что «мир во зле лежит» и в нас самих, и в наших детях спят и зреют семена абсолютно всех пороков, но это не повод для отчаяния. Это откровение о невероятном доверии, которое Бог оказывает каждому из нас. «Зло у нас в крови, пишет Нембрини, – так что оно не должно ни удивлять нас, ни чрезмерно возмущать. Бог поступил смелее нас: Он дал нам детей – зная всю нашу подноготную, зная, какое зло гнездится в нас» (с. 81). Бог верит в человека настолько, что доверяет ему растить и воспитывать детей! Это открытие так восхищает Нембрини, что он заражает своей радостью и читателя!

Мне бы не хотелось предвосхищать вашу читательскую радость, приводя мои любимые высказывания. Замечу только, что это очень ободряющая книга, что совсем неудивительно, ведь ее написал такой мудрый человек. В одном из текстов вы найдете упоминание о плачущей девочке, которую как-то Нембрини приободрил, идя в школу. В этом рассказе нет подробностей, поэтому я позволю себе привести всю историю, как я ее слышал от самого автора.

Однажды к профессору Нембрини подошла ученица старших классов и сказала: «Сеньор Нембрини, я давно хотела поблагодарить вас за то, что вы спасли мою жизнь!» Франко растерялся. Да, он помнил лицо этой девочки, но она не из его класса, он никогда не вел у них уроки. И девочка рассказала ему, что ровно год назад она переживала настолько страшный период в своей жизни, что решила на самоубийство. Перед уроками она стояла в холле и просто рыдала от отчаяния. В это время в школу влетел профессор Нембрини. Видно было, что он опаздывает на урок, но, заметив плачущую девочку, свернул в ее сторону, обнял за плечи и сказал: «Смелее! Это будет прекрасный день!» – и побежал на занятия. Нембрини даже не запомнил этого происшествия, но он спас жизнь человеку, живому, настоящему, конкретному человеку. Этот простой итальянский учитель обладает такой любовью к жизни и сочувствием, что от него нельзя не заразиться.

Вокруг нас столько плачущих от отчаяния девочек и мальчиков, взрослых и пожилых, и каждый нуждается в ободрении к жизни. Рядом нет Нембрини, но есть его чудесная книга. В некоторых случаях даже книги достаточно!

Успешный отец? Это мужчина, который нашел в себе этот дар

Протоиерей Андрей Лоргус,

директор Института христианской психологии

Автор этой книги – необыкновенная личность и человек удивительной судьбы. Мы познакомимся с Франко Нембрини-отцом и Франко Нембрини-педагогом.

Он необыкновенно успешный отец. Но не в том смысле, что воспитал идеальных детей. Его сыновья – дети как дети, и он – отец как отец. Успешным его можно назвать потому, что он нашел в себе удивительный глубочайший *дар быть отцом*. Это ведь мало кому удастся.

Да! Нембрини удалось стать отцом. И, глядя на него, слушая его лекции, перечитывая книги, невозможно не поверить, невозможно сказать: «Ты сам не пробовал, не знаешь» или «То, что ты предлагаешь, неприменимо». Он говорит так просто, естественно и убедительно, что его слова не вызывают никакого сомнения. Это голос пророка. Он открывает глубины отцовского чувства, отцовского понимания и отцовской миссии в самом высоком смысле этого слова, поскольку миссия отца пересекается с миссией пророка, и даже Творца. Нембрини говорит о том, что отец в семье действительно становится проводником, голосом Всевышнего.

Читая это свидетельство, важно понимать, что среда, в которой вырос сам Нембрини, не знает такого дефицита отцовства, как Россия. Катастрофы, которые настигли нас в XX веке, травма революции и геноцида 20–30-х годов, война, снова геноцид 1947 года и т. д. и т. д. оставили неизгладимый след в сердцах многих людей. Наша история лишила отцов несколько поколений.

Тема отцовства, представленная Нембрини в своей книге, чрезвычайно увлекает и дает мужчине вдохновение реализовать себя в этом качестве или хотя бы попробовать освоиться в нем. А женщины найдут здесь откровение о том, каким может быть отец, муж и мужчина сегодня. Многие современные российские мужчины не знают, что им делать с детьми. И не только потому, что росли в неполных семьях. Есть много людей, живших в условиях, в которых отец, став молчаливой жертвой матери, не имевший права на свое слово, мнение, вовсе не вступал с ребенком в близкие отношения. Недавно я разговаривал с одной женщиной, с которой мы пытались разобраться в ее отношениях с отцом. Она призналась: «У нас никогда не было разговоров о моих чувствах. Отец никогда не рассказывал мне о своих переживаниях, это запретная тема».

А для Франко Нембрини такая постановка вопроса невозможна. Дело в том, что традиционная итальянская семья – по сути дела, патриархальная и со строгими правилами – не может жить без эмоций. Для итальянцев эмоции – часть национальной культуры. Они очень темпераментные и открытые люди. Они и поют, и танцуют, и разговаривают. И конечно, дети погружаются в эти традиции с измальства – они участвуют и в переживаниях отца, и в переживаниях матери. Другое дело, что отцы бывают разные, их стиль отношения к детям различается, но это не та закрытая суровость, которая царит у нас, она совсем другая. Отцовство Нембрини – это школа эмоциональной жизни.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, необходима отцам, сыновьям, матерям, дочерям – всем. Франко Нембрини дает разумное и жизнеутверждающее представление о том, что родительские роли не могут быть выравнены между отцом и матерью или заменены, они не могут не различаться.

Нембрини известен в своем городе Бергамо как учредитель знаменитой школы «*La Traccia*» (1984 г.), в которой сейчас учится около тысячи детей. Причем школа эта частная. Он создал ее вместе с другими родителями и педагогами для детей из небогатых и неблагопо-

лучных семей. Верхний город Бергамо – красивейший, замечательный, прекрасный, как все в Италии. Но вот «*La Traccia*» находится в небогатом пригороде. Она живет и процветает благодаря усилиям активистов-родителей и благословению местного епископа, с которым Нембрини часто советуется по многим вопросам. Хотя «*La Traccia*» – школа светская.

В Бергамо Франко Нембрини стал личностью номер два после всемирно известного Гаэтано Доницетти, оперного композитора. Профессор филологии и яркий проповедник христианства, который толкует Данте не просто как филолог, но как пророк, Нембрини дал замечательный пример успеха религиозной педагогики в школе – классической по содержанию и глубоко христианской по духу. При том, что делает он это очень оригинально. Он обращается к простому человеку – к ребенку, его матери, которая, может быть, вовсе не имеет образования, к водителю, который проезжает мимо по трассе, к подросткам, которые вообще в школу не ходят... Нембрини проводит свои беседы в самых разных, неакадемических аудиториях. Он приходит туда, куда его зовут. Кстати, сегодня он приобрел широкую известность далеко за пределами родной Италии благодаря телевизионным передачам, в которых толкует Данте и... сказку о Пиноккио. Эти телесериалы стали классикой нового телевизионного жанра.

Известность Франко Нембрини в России связана не только с его книгами. Он неоднократно приезжал в Россию. В 2015 году Нембрини побывал в Кемерово, в гимназии, с которой «*La Traccia*» дружит давно, где получил благословение от Святейшего Патриарха Кирилла на «дружбу и сотрудничество на благо молодежи» и на воспитание детей «в первую очередь в той христианской нравственности, которая является неизменной и вечной»¹.

Франко Нембрини – удивительный пример органичного христианства XXI века. Он – ученый, филолог, современный итальянец, европеец, у которого религия и наука, религия и политика, религия и семья, религия и общественная жизнь никогда не расходятся. Настолько органично они проникают друг в друга.

Необыкновенная харизма Нембрини помогает ему находить удивительные слова. И так поворачивать и слово, и фразу, чтобы убедить человека, что тот слышит Слово Божие. Кстати, первое время после окончания института Нембрини несколько лет преподавал религию, поскольку не получил место как филолог. Он раскрывает все культурное наследие как проповедь. Да, в Италии это немудрено, потому что там каждая колонна, каждая площадь и каждый камень свидетельствуют о христианстве или о том, что было до него. И как легко представить себе на этом фоне Франко Нембрини – плоть от плоти, кость от костей римлянина, настоящего римского проповедника, поэта, по сути дела, пророка, поскольку то, что он временами говорит, звучит как предсказание. Ведь для того, чтобы проповедовать сегодня, когда антиклерикализм моден и популярен, требуется смелость пророка.

Нембрини принадлежит к числу итальянской научной элиты. Будучи профессором филологии, он стал народным учителем, педагогом такого масштаба, как известные в России Макаренко или Сухомлинский. И в этой области ему тоже принадлежит открытие. Его педагогика это педагогика личности, свидетельства и встречи. Встречи учителя и ученика, двух личностей, стоящих перед Богом. Когда я читаю его тексты, отчетливо чувствую страх Божий, ощущаю трепет Нембрини перед каждым учеником, его взглядом, его вопросами. В книге он описывает, как пришел в класс, который его, молодого учителя, еще не знал, и один из самых трудных учеников, который всегда портил все уроки, вдруг прочитал наизусть целую главу из Данте. Это был обычный, что называется, девиантный подросток. И с такими ребятами, со своими сыновьями и с сыновьями соседей Нембрини проводит свои поразительные уроки, уроки-проповеди, разбирая поэзию «итальянского Пушкина» Данте. Делает он это на примерах из жизни,

¹ «Патриарх благословил православную гимназию города Кемерово» [Электронный ресурс] // Православная гимназия г. Кемерово: [сайт]. URL: <http://моя-гимназия.рф/index.php/about/contentcategory/1/146-sergij-radonezhskij-dukhnovnyj-uchitelrossii> (дата обращения 17.06.2019).

нашей жизни, настолько виртуозно, так сильно, что искусство педагогики превращается для него во встречу с личностями учеников и слушателей. Причем стать ими может любой. Школа Нембрини – открытая. Обучая и воспитывая, Нембрини убеждает собою: он и есть воспитание.

Что в этой книге еще может быть важно для современного читателя? Она дает яркий пример того, что педагогика – это прекрасное дело, которому стоит посвятить жизнь, ведь она может стать проповедью, миссией, величайшим служением, которое прекрасно удастся мужчине. И как было бы замечательно, если бы эта книга попала в руки абитуриентов педагогических факультетов или мальчиков, которые выбирают будущую профессию педагога, и творчество Франко Нембрини вдохновило бы их стать учителями... философии, химии, физики, математики... Любой урок может стать пророческим, таким же истинным посланием, как слова Франко Нембрини.

*Моим родителям, Дарио и Клементине, которые дали мне жизнь,
а вместе с ней ощущение ее величия и красоты*

*Клементине Маццолени, моей учительнице, которой я обязан
страстью к литературе и преподаванию*

*Отцу Луиджи Джуссани, который придал этому ощущению и
этой страсти твердость и непоколебимость веры*

Часть 1

Сын своих родителей²

Споры о «реформе Моратти»³ не стихают, а, напротив, лишь накаляются. Но, если мы спорим о школе, нужно четко понимать, о чем идет речь: главный школьный вопрос – воспитание. Трагедия же нашего времени состоит в его отсутствии. Важно, чтобы по крайней мере те взрослые, на ком лежит ответственность за воспитание, сознавали: быть может, мы первое поколение, столь драматично столкнувшееся с проблемой традиции, то есть передачи из рода в род знаний, ценностей, обретенных истин и положительного восприятия жизни. Ныне это чудо воспитания, благодаря которому в счастье и несчастье, в радостные и трагические моменты истории мир двигался вперед, уже не воспринимается как нечто очевидное, не происходит само собой.

Конечно, на то есть причины. Например, медленное, но верное разрушение нынешней культурой представлений об отце. А ведь это основа основ: воспитание возможно там, где в первую очередь присутствует взрослый. Разрушено представление о Боге как воплощении понятия отцовства, к которому причастен или стремится быть причастным каждый человек. После уже естественным образом разрушилось и все остальное. Место Бога заняли великие идеологии, призывавшие жить надеждами или устремлениями коммунизма. Но при этом человек обнаружил, что ему нечего сказать – ни доброго, ни разумного – собственным детям. Как говорит неподражаемый Вуди Аллен: «Бог умер, Маркс умер, да и мне что-то нездоровится». В одной фразе через запятую – три этапа уничтожения идеи отцовства. Все мы, а особенно наши дети, выросли на «Микки-Маусе»: это мир дядюшек и тетюшек, как правило, одиноких, где невозможно встретить ни одного отца. Вот культура, выпестовавшая идею о том, что отцовство исчезло.

Отправная точка – воспитание. Отец Джуссани⁴ недавно сказал: «Если бы кто-нибудь занялся воспитанием народа, всем было бы лучше». Из этого и нужно исходить. Так пора бы уже кому-нибудь из взрослых, засучив рукава, решительно заявить: «Я хочу изобрести его, хочу сам заняться воспитанием». Нужно, чтобы каждый пытался это делать, присматриваясь к тем немногим людям, к тем ситуациям, отдельным примерам, где мы наблюдаем воспитание в действии.

² Встреча в приходе святого Игнатия Лойолы. Милан, 20 февраля 2004 г.

³ Речь идет о законе № 53/2003, изменившем систему образования, и о дебатах, сопровождавших принятие законопроекта, а затем – применение закона.

⁴ Луиджи Джуссани (1922–2005) – итальянский богослов, священник. Как и митрополит Антоний Сурожский, был приверженцем «богословия общения» или «богословия встречи». Почти всю жизнь работал с молодежью, преподавал в школе, затем в университете и старался поделиться с молодыми людьми опытом подлинной Встречи, «показать неотъемлемость веры от потребностей жизни». Утверждал, что осознанные глубокие личные отношения с Христом освобождают человека от зависимости в отношении людей и окружающего мира. «Христос – имя, указывающее и определяющее то, с чем я встретился в жизни... Для многих это имя известно, но не соответствует встрече, опыту в настоящем; а Христос столкнулся с моей жизнью, моя жизнь столкнулась с Христом именно для того, чтобы я понял, насколько Он является сутью всего, всей моей жизни», – говорил Луиджи Джуссани. Чем крепче связь каждого члена общины (прихода) с Богом, тем более искренними углубленными и независимыми от внешних влияний становятся взаимоотношения между людьми. Основал движение «Общение и освобождение» (Comunione e Liberazione), развивающееся по сей день и направляющее своих членов в деле воспитания веры, которая может свободно воплощаться в делах и повседневной жизни. Движение получило официальное признание в 1982 г. (Прим. ред.)

* * *

Сам я смотрю, прежде всего, на своих отца и мать, поскольку рядом с ними расцвела моя жизнь. Мы жили в непростых условиях. К сорока годам у моего отца начался рассеянный склероз, и болезнь сопровождала его до самой смерти. Он с трудом передвигался, из-за чего потерял работу. После он устроился в школу присматривать за детьми и стал важной шишкой... Так что я действительно сын своих родителей!

Какие воспоминания я храню о своем покойном отце, помимо игры в карты и его рассказов о дружбе с отцом Джуссани, которого он знал лично и безмерно уважал? С детства у меня сохранилось очень яркое воспоминание: вечером, когда мы укладывались спать, он приходил к нам в комнату прочесть молитву. В нашей квартире была спальня для мальчиков и спальня для девочек, и у нас, в мальчишеской комнате, стояли две трехъярусные кровати. Так вот, я очень живо помню, как отец входил в нашу комнату и, встав на колени, начинал: «Отче наш...» Меня это всегда поражало, поскольку отец был не из тех, кто любит читать проповеди. Он вообще не отличался разговорчивостью. Когда он пытался говорить по-итальянски, то получалось очень забавно: мы выросли в Бергамо, итальянский для нас не родной язык⁵ – не каждый его учил и не каждый им владеет. Мой папа плохо знал итальянский и, беседуя с отцом Джуссани, смешил его до слез своим произношением. Так что, когда отец, без каких-либо вступлений и лишних слов, опускался на колени, чтобы прочесть «Отче наш», мы, дети, воспринимали это как нечто совершенно естественное. Отец вырастил нас, просто-напросто призывая – без открытого призыва – смотреть на вещи так, как он сам на них смотрел. «Мы с вами, ребята, – говорил он, – плывем в одной лодке, и единственное, что вам необходимо, – двигаться в верном направлении. Я пытаюсь – и мне хорошо. Так действительно хорошо живется, следуйте за мной – и, возможно, вы тоже станете взрослыми».

Мы выросли с представлением об отце как о великом человеке, и это представление осталось с нами навсегда. Когда я видел, как он «трюхает» по дорогам на своем велосипеде (слава Богу, болезнь протекала у него с длительными периодами ремиссии, позволявшими ему иногда садиться за руль велосипеда, даже если нажимать на педали стоило ему нечеловеческих усилий), он казался мне королем.

Я смотрел на него – и мой отец, в сравнении с другими, был царем Вселенной. Я смотрел на него и понимал, что его жизнь – воплощение мудрости. Он обладал таким взглядом на вещи, о каком не мог мечтать ни один из университетских преподавателей, пытавшихся впоследствии объяснить мне, что такое воспитание. Отец доходил до сути вещей. Об этом свидетельствовало все: как он вел себя, как он пел, как играл в карты, как обращался за столом с нами, детьми, и с нашими друзьями, которые приходили в гости. Можно было поспорить, что он разбирается во всем, умеет объяснить, что есть добро и зло, радость и боль, почему люди умирают, зачем нужно трудиться в поте лица, почему стоит жить и что ожидает нас в конце. Он сам показывал пример того, как нужно жить, оставаясь в мире с самим собой и со всем миром, никогда не отрекаясь от ответственности, не отворачиваясь от вызовов со стороны реальности. И когда в детстве я смотрел на него, то говорил себе: «Вот каким я хочу быть, когда вырасту». Я смотрел на своего отца и говорил: «Господи, я хочу быть, как он. Не знаю, буду ли я богатым или бедным, стану ли преподавателем, чем стану заниматься, когда вырасту, знаю только, что хочу быть вот таким человеком – обладать вещами, зная, Кому они принадлежат на самом деле». Ведь именно благодаря этому отец был хозяином любого положения.

А теперь прибавьте к этому еще и мою маму! Дочь простых крестьян, она всю свою жизнь провела в заботах о семье, почти не выходя из дома а как иначе, если у тебя десять детей,

⁵ В провинции Бергамо говорят на диалекте восточноломбардского наречия. (Прим. ред.)

родившихся за одиннадцать лет, – и практически непрерывно была беременна: то на сносях, то в больнице. Когда же она умерла в 1985 году, умерла очень молодой, мы обнаружили у нее в шкафу шкатулку с запиской: «Если вы когда-нибудь найдете эти вещи, не выбрасывайте их. Это История внутри истории мира». Знаете, что было в той шкатулке? Вырезки из газет, относящиеся к Церкви: папа Иоанн, канонизация того или иного святого... Она сохраняла их и периодически просматривала, вспоминая историю Церкви – так, как сама понимала ее, читая «Христианскую семью» и другие подобные газеты. Помню вырезку из «Эха Бергамо»: «Избран папа Иоанн XXIII, уроженец Бергамо». Вот она, «История внутри истории мира». С таким сознанием жила крестьянка, окончившая три класса школы.

* * *

И вот, хвала Господу, я вырос в семье таких родителей. Для меня всегда было очевидно, что значит воспитание: не нотации и не постоянная обеспокоенность. Это человек, который живет. Проблема воспитания – не в молодежи, не в детях, не в учениках, студентах или школьниках. Это твоя проблема: воспитание – твоя способность или неспособность предоставить личное свидетельство. Кем бы ты ни был, где бы ты ни был, нужно лишь, чтобы твои дети могли видеть твое свидетельство о том, что ты уверен в жизни. И этого вполне достаточно.

Приведу несколько конкретных примеров. Думаю, впервые я осознал, в чем суть воспитания, когда у меня самого начали появляться дети (их всего четверо, зато у меня было множество учеников, и я всегда стремился передать им то, что воспринял от своих родителей). Однажды случился эпизод, в котором, если можно так сказать, сконденсировалось все, о чем я говорю. Моему старшему было около четырех-пяти лет, а роста он был такого, что, когда подходил вплотную к столу, виднелись одни глаза. Вот представьте себе: он стоит у стола, вытаращив глазенки. А я как раз проверял сочинения – истинная голгофа для учителей-словесников. И в какой-то момент, помню, заметил, что сын рядом. Я не слышал, как он подошел, и не знал, сколько времени он уже стоит у моего стола. Он просто стоял и наблюдал, как работает его отец. И в тот день, заглянув ему в глаза, я вдруг понял, что такое воспитание. Ведь тогда мой сын подошел ко мне без какой бы то ни было определенной нужды: его не надо было поить, кормить, одевать, укладывать спать; он просто стоял и смотрел. А я, посмотрев на него, прочел в его глазах вопрос, вдруг пронзивший мое сознание. Сын словно просил: «Папа, убеди меня, что стоило являться на свет. Скажи, что имело смысл рождаться. Объясни, с какой надеждой ты встаешь рано утром и засыпаешь ночью. Стоит ли труда жить, умирать, страдать, хранить верность и приносить жертвы? Какова истинная цель моего появления на свет, ради которой я мог бы с достоинством, мужеством и надеждой выносить тяготы жизни? Помоги мне разобраться: только о том и прошу». С того дня, заходя в аудиторию и встречая взгляды своих учеников, я не могу не слышать вопроса: «А зачем вы живете, профессор Нембрини?» В том и состоит суть воспитания:

в честной попытке ответить на этот вопрос. Что мы и делаем – и я, и моя жена, ведь детям ничего не нужно, кроме свидетельства, которое они видят в нас, взрослых, знающих причины, ради которых стоит нести бремя жизни. Все остальное приходит как следствие, во всем остальном воспитатель совершенно свободен.

А дети наши растут в атмосфере, утверждающей прямо противоположное: им будто приходится пробираться по минному полю среди отчаяния, цинизма, сомнений, отравляющих «положительность» жизни и отношений. Положительность школы, положительность законов, положительность отношений между отцом и матерью – ничего этого наши дети не ощущают, а потому растут с отчаянием, ведущим к наркотикам, поножовщине и прочим драмам, свидетелями которых нам приходится быть.

Несколько лет назад мне довелось прочитать лаконичную формулировку – синтез окружающей нас культуры. Индро Монтанелли, переписываясь с кардиналом Мартини на страницах газеты «Коррьере делла сера», заметил: «Признаюсь искренне, я никогда не переживал и не переживаю отсутствие веры как отчаянную ситуацию; но всегда – а особенно сейчас, когда подходит время подводить итоги, – видел в нем крайнюю несправедливость, лишаящую меня в жизни всякого смысла. Если все это было лишь для того, чтобы закрыть глаза, не узнав, откуда я пришел, куда иду и зачем, то проще было бы и не открывать их». Такой человек, как Индро Монтанелли, в свои восемьдесят лет заявляет: если прийти в мир – значит находиться в нем, не зная, откуда и куда ты идешь (то есть ради чего стоит жить), то лучше было и не рождаться. Вот сжатая формулировка того леденящего душу цинизма, которым наши дети заражаются в школе, а часто и дома, и уж точно – с экранов телевизора и от фраз, брошенных кем-то из приятелей. Таков мир, в котором они живут. Необходимо всеми силами противостоять этому цинизму!

* * *

Мне вспоминается очень красноречивый эпизод. Лет десять назад я заменял преподавателя в одном из старших классов (это было отделение бухгалтерского дела). С полчаса мы мирно беседовали, и разговор как-то плавно перетек к основополагающим вопросам. Класс был не мой, я никого не знал и в определенный момент спросил у какого-то мальчика: «Послушай, а что ты сам можешь сказать о себе?» Знаете, что ответил мне пятнадцатилетний школьник? «А что тут говорить, – простите за выражение, но я привожу его ответ дословно, – я родился в результате сношения». Понимаете, о чем говорят его слова? Единственное, что способен сказать о себе этот мальчик в свои пятнадцать лет, – это то, что он ощущает себя сугубо биологическим продуктом полового акта! Даже не «занятий любовью», а просто полового акта. Понимаете, какое потенциальное насилие таится в сердце такого подростка? Если ему взбредет в голову уничтожить полмира, то никаких контраргументов не найдется. Он может убить себя самого при помощи наркотиков, а может убивать из ружья других, как случается в Америке, или же прийти в школу с пистолетом и расстреливать всех подряд – вполне логичные следствия столь атрофированного, столь звериного сознания.

Минут десять я не мог прийти в себя. Потом стал пытаться рассуждать, убеждать. Кризис нашего времени на самом деле в том, что молодежь пронизана подобным цинизмом. Стоит ли удивляться, что в дальнейшем он проявляется в виде разрушительного насилия? И тогда начинаются выяснения: виноват ли преподаватель, поставивший плохую отметку, или виноват отец, давший парню подзатыльник... Не в этом дело. Все дело в повсеместном цинизме, который не дает стоящей причины для жизни. Вот в чем проблема воспитания.

И, как нарочно, в тот же день после потрясшего меня до глубины души эпизода в классе мне на пути попала коллега – яркая женщина, убежденная социалистка. Она как раз недавно узнала, что мы с женой ожидаем четвертого, и решила пошутить: «Ага! Ты в очередной раз подзалетел!» Я ответил: «Вовсе даже не „подзалетел“. Ты можешь, конечно, радоваться, что „не залетела“, а для меня мои дети желанны». На что она, изображая великую умницу, заявила:

«Знаю-знаю, ты ведь из тех, кто полагает, что дети – дар небес». Тут я не сдержался: «Послушай, милая коллега, если уж разговор пошел серьезный, то выбирать приходится из двух вариантов: либо дети – дар свыше, как ты и сказала, – и это действительно так, дети – проявление Бытия, присутствия Тайны, чего-то, что превосходит меня и тебя, – или же я могу отвести тебя в класс, откуда только что вышел, и там один мальчик объяснит тебе, что такое дети. Но тебе придется выбрать одно из двух, ибо третьего не дано. Либо дети – результат сношения (только тебе нужно будет набраться смелости, чтобы прямо сказать об этом своим

детям, глядя им в глаза), либо они – дар небес. Иначе говоря, они входят в нашу жизнь, как тайна, как нечто большее, чем я, и ты, и твой муж, вместе взятые. А третьего не дано».

Проблема в том, что эта преподавательница рассуждает как все и за ее шуткой стоит циничность всей культуры, разрушившей то единственное, в чем нуждаются наши дети, – осознание того, кому они принадлежат. Осознание того, чьи они, ибо это единственное, что их воспитывает и оберегает, в том числе психологически, от всякого рода расстройств. Но чтобы ребенок знал, кому он принадлежит, нужно, чтобы отец его тоже знал, кому принадлежит. Когда ваши дети начинают задавать вам вопросы вроде: «Папа, а почему мы живем бедно? Почему у нас нет бассейна?» – читайте и перечитывайте конец шестой главы Второзакония: *Если спросит у тебя сын твой в последующее время, говоря: „что значат сии уставы, постановления и законы, которые заповедал нам Господь, Бог наш?“* (Втор. 6: 20). Другими словами: «Извини, папа, но почему я должен тебя слушаться? Почему нужно быть добрым? Священники твердят, что нужно быть добрыми, а весь мир говорит об обратном». Кажется, сегодня гораздо важнее быть изворотливыми, уметь схитрить, когда нужно. Зачем поступать иначе? Ради чего терпеть лишения?

Доводилось ли вам убеждать детей в том, что хотя бы иногда нужно чем-то пожертвовать? Дети бунтуют: чего ради? И их можно понять. Ты предлагаешь мне поступить так ради какой-то важной, великой цели? Если нет, то зачем? Зачем быть добрым? Честным? Порядочным? Почему нельзя красть? Что плохого в добрых связях? Вообще, что это за правила, что это за законы, нормы, диктуемые Богом? Диктуемые Церковью, переданные нам как опора христианства?

Ответ вполне определенный. *Скажи сыну твоему: „Рабами были мы у фараона в Египте; но Господь вывел нас из Египта рукою крепкою; и явил Господь знамения и чудеса великие и казни над Египтом, над фараоном и над всем домом его, пред глазами нашими. А нас вывел оттуда, чтобы ввести нас и дать нам землю, которую клялся отцам нашим дать нам. И заповедал нам Господь исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как и теперь“* (Втор. 6: 21–24).

Вот и прекрасно! Значит, ты можешь ответить своему сыну: «Смотри сам. Я прошу тебя поступать так, и, если ты хочешь, следуй за мной. А прошу я тебя так поступать для того, чтобы и тебе быть счастливым, как я». Но для этого он уже с колыбели, с первого дня, с первого часа должен дышать этим счастьем, этой радостью, а иначе сразу почувствует фальшь, и ты потерпишь поражение, не успев начать игру. Необходимо, чтобы ты мог сказать ему: «Сынок, иди вслед за мной. Я выбрал этот жертвенный путь, поскольку признаю его абсолютную целесообразность». Твоя просьба должна опираться на все то, чем он живет с рождения. И только тогда он сможет тебе ответить: «Это правда! Я иду по твоим стопам, потому что понимаю, ради чего это нужно. Я понимаю, что это в высшей степени целесообразно».

* * *

Беседуя со школьниками о христианстве, я всегда говорю одно и то же: либо оно в высшей степени целесообразно, либо нет. Кого интересовало бы христианство, не будь оно целесообразным с человеческой точки зрения? Кому не хочется жить под кровом великого Отца? А значит, несмотря ни на что, утверждать свою связь с Ним и потому молиться? Глядя на тебя, твой сын должен иметь возможность сказать то же, что я с детства говорил о своем отце. И это единственное, о чем я прошу Бога, чтобы мои дети, глядя на меня, могли сказать: «Вот бы и нам стать такими же!» Меня бросает в дрожь от осознания того, что единственное мое отцовское желание – чтобы мои дети могли сказать так же. Не утверждать, что их отец идеальный, совершенный и безотказно надежный, ведь они прекрасно понимают, что я такой же «бедо-

лага», как и они. И ваши дети знают точно, что вы ничем не лучше их. Ни к чему изображать совершенство – наигранность лишь обострит отношения, принесет в них ложь и неестественность. Детям следует говорить: «Я такой же бедолага, как и вы. Однако у меня есть великое достоинство – я прощен!»

Я сам ощущаю прощение и принятие и потому без страха иду навстречу жизни и смерти, боли и радости, красоте и ужасу. «Ну же! Ты тоже способен жить так!» Думается, это и есть, в конечном итоге, секрет воспитания. Можно сказать, что секрет воспитания парадоксальным образом состоит именно в том, чтобы о воспитании не заботиться. Не концентрироваться на нем как на проблеме – ведь если для тебя оно становится проблемой, то и дети будут ощущать его так же. Если ты ставишь перед собой задачу в чем-то их убедить и определенным образом их сформировать, они впадают в неистовство. Дети чувствуют, когда им что-то навязывают, и противятся этому всем своим существом, ощущая покушение на их свободу. И они правы. Их задача в жизни встретить Христа *самим*. И для этого им нужны такие взрослые, которые не ставят перед собой цель сделать их христианами. Возможно, мы действительно просим о спасении наших детей, принимая Причастие; но после не стоит об этом даже и думать. Если наши мысли откроются детям, то вызовут у них лишь негодование. Им нужны взрослые, любящие их свободу, готовые все на нее поставить; поступая так, вы передадите им любовь, какой любит их Бог, – и не потеряете их.

Отец отпустил блудного сына, как ни очевидно было, что тот совершает ошибку и действует во вред самому себе. Сын пришел к отцу и сказал: «Мне надоел этот дом, я хочу уйти». Все дети в какой-то момент решают уйти из дома: кто в три года, кто в пять, кто в одиннадцать... Хотя бы раз в жизни каждый ребенок «собирает чемодан». Но если в пять лет это вызывает лишь улыбку, то в восемнадцать, когда подросток говорит: «Мне надоел этот дом, я хочу уйти», – его слова ранят до глубины души. Отец отпустил блудного сына. Мы же никогда не поступаем таким образом! Мы запираем дверь на ключ и заявляем: «Ты отсюда не выйдешь. Твой дом здесь. После всего того, что я для тебя сделал, после стольких лет стараний и заботы о тебе...» – и сыну не остается ничего, как только застрелиться самому либо застрелить тебя. Мы запираем дверь на ключ. А отец блудного сына отдал полагавшуюся тому часть наследства и сказал: «Иди».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.